

Арина Ларина

ЖЕСТОКИЕ ИГРЫ МАЖОРОВ

УДК 82-3
ББК 84
Л25

Л25 **Ларина А.**
Жестокие игры мажоров / Арина Ларина – М.: Литнет, 2026. – 312 с.

ISBN 978-5-524-01013-1

- Ошибка, новенькая. Здесь живут по моим правилам.

Он сказал это тихо, почти ласково. Так говорят только перед тем, как уничтожить.

Арсений Воронцов - главный в их четвёрке. Бог этого университета. Остальные просто делают вид, что учатся, пока он решает, кто станет пешкой, а кто ничем.

Я?

Я не собиралась бросать вызов. Просто сказала то, что думаю.

Теперь - поздно.

В «Риверсайде» ошибки не прощают.

Особенно, если твоя - просто не опустить глаза.

С этого всё началось.

Она - случайность, ставшая вызовом.

Он - власть, привыкшая к покорности.

И теперь в их мире идеальных лиц разбилось самое главное правило - молчать.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-01013-1

© Литнет, 2026
© А. Ларина, 2026

Глава первая

Я шла домой после института, медленно, с рюкзаком на одном плече. Сегодня Дашка не пошла со мной – стояла у шкафчиков, виновато улыбаясь.

– Кирюш, ты не обижайся, ладно? – сказала она, поправляя густую чёрную чёлку. – Меня Мишка позвал прогуляться. Ну, ты же знаешь, как он мне нравится... ещё со второго класса!

Она рассмеялась, порывисто обняла меня и добавила весело:

– Ну не дуйся! Завтра вместе пойдём, обещаю!

– Да ладно, – ответила я, стараясь сделать лицо безразличным, будто это не важно и наплевать. – Мне всё равно маму с работы ждать, она сегодня продлёнку ведёт.

– А, ну тем более, – обрадовалась Даша и, подхватив сумку, побежала по коридору.

Я только вздохнула.

Мишка нравился и мне. И, если уж честно, вовсе не со второго курса, а с самого первого.

Но увы – я была явно не в его вкусе. Не то чтобы я пыталась как-то намекнуть – да никогда бы! Ещё не хватало, чтобы кто-нибудь догадался, что я кому-то симпатизирую.

Да ни за что не позволила бы, чтобы кто-то понял, что мне нравится кому-нибудь.

Тем более Мишка.

Особенно Мишка.

Если бы он узнал и вдруг посмеялся надо мной...

Хотя он не был замечен в жестокости, но любил прикалываться над одноклассниками.

Недавний позор Кати Лариной из параллельной группы – доказательство. Она написала записку Петрову с третьего курса, а тот с друзьями потом стебался над ней, видосы снимали и прочее –

типа «нашлась тут Татьяна с письмами к Онегину».

Вот придурки.

Катя потом неделю в институт не ходила. Нет, уж лучше скрывать чувства глубоко.

Не показывать виду. Никогда.

Я поправила ремешок рюкзака и пошла к выходу.

Улыбнулась про себя: вот у Дашки получилось – подмигнула Мишке, и он заметил.

А я... эх, ладно.

Я выдохнула и спустилась по лестнице.

На улице пахло тёплым воздухом и талой водой. С крыш капало. Ветер тянул за волосы.

Быстро надела наушники, включила музыку и пошла по двору.

Маму ждать не нужно было – она уже должна быть дома.

Про «продлёнку» я просто соврала, чтобы не выглядеть одинокой в глазах Дашки.

С Дашей Расковой мы дружили с первого класса: жгучая брюнетка, тоненькая, весёлая, и я – пухленькая блондинка, составляли интересный дуэт.

Даша считалась самой красивой девочкой ещё в школе, а теперь и в институте не уступала никому – и обладала смешливым и добрым нравом.

Я же была самой умной и самой спокойной. Хотя всё мое спокойствие было напускным.

Просто всегда старалась не выдавать своих истинных чувств.

Когда-то я стеснялась своей полноты и считала себя некрасивой.

Потом, ближе к седьмому классу, полнота ушла, и теперь я была такой же тростинкой, как и Даша.

Но бывлая неуверенность осталась.

Теперь просто научилась прятать её глубже и ещё усерднее работать над собой – старалась быть увереннее, смелее.

Я вела блог, где писала обо всём: о жизни, об институте, о людях.

После школы мечтала поступить в университет – на журналистику.

Но увы, пока училась на филологическом отделении нашего захудалого института, потому что в университет попасть сразу не получилось – слишком большой конкурс, а на платное просто не было денег.

Мама работала в нашей бывшей школе, где я училась раньше, – учительницей младших классов.

Та же строгая, добрая, усталая Татьяна Сергеевна, которую в коридорах встречали дети и кричали:

– Татьяна Сергеевна, а можно мне в медпункт?

– Татьяна Сергеевна, я пятёрку получил!

И я каждый раз вздыхала: мама – святая, но живёт работой. Иногда хотелось, чтобы она хоть немного подумала о себе.

А может, обо мне тоже, – подумала мельком и прибавила шагу.

До дома оставалось три квартала, когда я услышала мяуканье. Тонкое, настойчивое, жалобное.

Я остановилась, сняла наушники, оглянулась.

Под машиной у тротуара дрожал маленький серый котёнок. Худой, слипшийся от воды, с огромными глазами.

– Эй, малыш... – позвала громко.

Котёнок жалобно пискнул и, как будто испугавшись, метнулся прочь – прямо к воротам «Риверсайда», частного закрытого элитарного университета за углом.

– Только не туда... – я быстро выдохнула и побежала следом.

У ворот стоял охранник, но смотрел в телефон. Я, не долго думая, нагнулась и пролезла через узкую щель между металлическими секциями.

Во дворе было непривычно тихо.

Газоны – зелёные даже сейчас, весной, дорожки – чистые, здания – как из глянца.

Я шагала медленно, прислушиваясь.

– Кис-кис... – шептала. – Ну где ты? Ответом стало «мяу» из-за угла.

Я свернула – и застыла.

Передо мной стояли трое студентов в форме закрытого элитного университета.

На асфальте сидел щуплый парень лет девятнадцати в огромных очках, съехавших ему на подбородок, рюкзак открыт, книги раскиданы.

Один парень снимал его на телефон, другой смеялся, третий говорил громко и нарочито презрительно:

– Давай, скажи, что ты понял. Или хочешь, чтобы я помог вспомнить?

– Не надо... – тихо сказал очкарик.

– Эй! – выкрикнула я, не ожидая от себя такой смелости. – Прекратили! Троица обернулась.

– Это кто такая? – усмехнулся один. – Туристка?

– Нет, журналистка, – ответила я и подняла телефон. – Сейчас будет прямой эфир.

Я нажала кнопку «начать трансляцию».

– Всем привет, – спокойно сказала в камеру. – Я случайно оказалась на территории «Риверсайда». Вот, смотрите, как здесь старшекурсники общаются с младшими.

Парни растерялись.

– Ты чё творишь?! Выключай!

– Уже поздно, – сказала я. – Вас уже смотрят. На экране замелькали комментарии:

«Что за жест?»

«Это где?»

«Девчонка, красава!»

Один парень шагнул ко мне, но другой схватил его за рукав.

– Пошли, – бросил он. – Не лезь, тут уже сто камер.

Они развернулись и ушли, притворяясь, что им всё равно.

Я выключила эфир, выдохнула и помогла парню собрать вещи.

– Всё нормально?

– Спасибо, – сказал он. – Они теперь не посмеют.

За клумбой мяукнул котёнок.

Я подняла его, прижала к груди.

– Вот уж точно, без тебя бы я сегодня не встряла, – сказала тихо.

Когда пришла домой, в квартире вкусно пахло жареной картошкой и луком. Мама стояла у плиты, в фартуке и очках, волосы собраны в пучок.

– О, явилась, – сказала она, не оборачиваясь. – Я уж думала, ты с Дашкой зависла.

– Не-а, – ответила я, ставя котёнка на пол. – У Дашки свидание. А у меня – кот.

– Кот? – Мама обернулась, подняла брови. – Надеюсь, не из мусорки?

– Почти. Из «Риверсайда».

Мамулька поставила сковородку, перекрестилась.

– Кир, ну вот скажи, ты же не можешь просто пройти мимо, да? Я пожалала плечами. – Он бы там замёрз.

– И ты полезла туда, к этим воротам?

– Ну... да. И кое-что сняла.

– Сняла? – Мама нахмурилась. – В смысле?

– Стрим включила. Там трое старшекусников издевались над парнем в очках.

Мама закрыла глаза и глубоко выдохнула.

– Господи, дай мне сил. – Потом села за стол, уставившись на меня. – Ты хоть понимаешь, что могла навлечь на себя проблемы?

– Мам, я не могла не вмешаться.

Татьяна Сергеевна вздохнула, но в уголках её губ мелькнула улыбка.

– Вот упрямая. В меня вся. Ну что ж... раз начала – доводи до конца. Только кота в кровать не клади, у меня на шерсть аллергия.

Я облегченно рассмеялась.

На следующий день мое видео собрало тысячи просмотров, потом сотни тысяч.

Стуленческие чаты кипели, паблики репостили. Через два дня позвонили в нашу дверь.

Глава вторая

Через два дня раздался звонок в дверь.

Сначала я было подумала, что это сосед с третьего, опять забыл ключи. Но на пороге стояли трое – двое мужчин в одинаковых тёмных костюмах и женщина лет пятидесяти с идеальной осанкой и безупречной причёской.

– Добрый день, – сказала женщина. – Вы – Кира Соколова?

– Да... – я немного смутилась. – А вы кто?

– Риверсайдский университет. – Женщина произнесла это спокойно, как будто этого объяснения достаточно. – Мы хотели бы поговорить.

Мама вышла из комнаты, быстро вытирая руки о полотенце.

– Что-то случилось?

– Напротив, – ответила гостя. – Ваша дочь проявила смелость. История уже распространилась в сети, и... совет университета решил не оставлять этот поступок без внимания.

Я нахмурилась.

– Без внимания?

Женщина улыбнулась уголками губ.

– Чтобы, скажем так, уладить недоразумение и показать, что “Риверсайд” – не закрытый клуб, а общественно ответственное учреждение, мы предлагаем вам обучение по специальной стипендиальной программе.

– Обучение? – переспросила мама. – Бесплатное?

– Полное. С проживанием в кампусе, питанием и всем необходимым. Тишина растянулась.

Я стояла, чувствуя, как кровь шумит в ушах.

Бесплатное место в “Риверсайде”? В том самом “Риверсайде”, куда поступают дети министров, владельцев компаний и телеведущих? Это звучало как ошибка. Или как ловушка.

– Мы понимаем, – продолжила женщина, – это решение может показаться неожиданным. Но поверьте, для вашей дочери это шанс.

Мама посмотрела на меня – растерянно, но с каким-то затаённым теплом.

– Шанс... – повторила она тихо. – Такое не каждый день бывает.

Я не ответила. Смотрела на нашу гостью, пытаюсь понять: зачем им это нужно?

И видела, что за её безупречной улыбкой скрывается раздражение. Не приглашение – обязанность. Они не хотели, чтобы я там училась. Они хотели, чтобы просто замолчала.

Я не спала почти всю ночь.

В квартире стояла та самая тишина, от которой звенит в ушах: слабый гул холодильника, стук капель из-под крана, дыхание мамы за стеной.

Лежала, уткнувшись в подушку, и мысленно перебирала все возможные сценарии: что, если это просто формальность? Что, если на мне хотят поставить галочку?

Что, если всё это ловушка – способ заставить исчезнуть из новостей, как неудобное напоминание о том, что “Риверсайд” не идеален?

Но всё равно утром встала. Сразу включила телефон. На экране – письмо с логотипом университета: серебряная эмблема и надпись “RIVERSIDE”.

Ниже: “Приглашаем вас на обучение. Стипендиальная программа. Факультет гуманитарных наук.”

Мое имя под печатью выглядело чужим.

Надела самые приличные джинсы, белую рубашку, которую мама выгладила ещё ночью, и тёплую серую куртку.

На плечо – старенький рюкзак. На удачу – резинка на запястье, чтобы не нервничать.

Когда вышла из метро и увидела ворота “Риверсайда”, у меня будто перехватило дыхание.

Здания стояли на холме, словно какой-то другой мир – белый